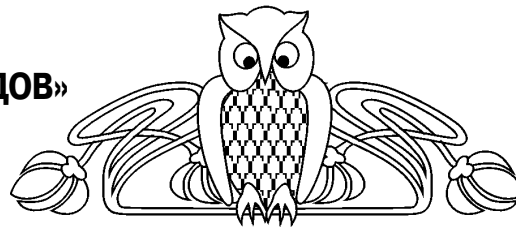

УДК [811.161.1:070:39](470+571)

КОММУНИКАТИВНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ДРУЖБА НАРОДОВ» ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Е. К. Рева

Пензенский государственный университет
E-mail: ekaterina.re@rambler.ru

В статье предлагается этнокультурный контекст рассмотрения журнала «Дружба народов» с целью выявления коммуникативной эффективности публикаций указанного издания по национальной проблематике.

Ключевые слова: этнические стереотипы, образ нации, этнокультура, периодическая печать.

**Communicative Effectiveness of Publications
in the Journal *Druzhba Narodov* (Friendship of Nations)
on the National Question: Ethnocultural Aspect**

E. K. Reva

The article offers the ethno-cultural context of analyzing the journal *Druzhba Narodov* (Friendship of Nations) in order to identify the communicative effectiveness of the publications of the said periodical on national issues.

Key words: ethnic stereotypes, image of the nation, ethnic culture, periodicals.

Известный российский этнопсихолог Ю. П. Платонов, изучая феномен национально-го характера, замечает, что «люди не стремятся реагировать на окружающие явления каждый раз по-новому, а подводят их под уже имеющиеся категории <...> В этих случаях познавательный процесс остается на уровне обыденного сознания, ограничиваясь житейским опытом, основанным на типичных для данной общности представлениях»¹. Формулируя другой подход к рассмотрению причин выработки стереотипов, Ю. П. Платонов также говорит о принципе защиты групповых ценностей как сугубо социальной функции, реализующейся в виде утверждения своей непохожести, уникальности. В контексте этого подхода этнопсихолог акцентирует умение индивида «отнести себя к конкретной, выделенной из всего множества группе, ценности которой выступают точкой отсчета в процессах стереотипизирования»². При этом социальную стереотипизацию следует рассматривать как функцию межгрупповой дифференциации, заключающейся в равнении своей и чужой групп. Актуализируя свою концепцию, Ю. П. Платонов делает вывод: «Данная дифференциация может принимать две формы: противопоставления («внутригрупповой фаворитизм») и сопоставления («миролюбивая нетождественность»)»³.

Специфика журнального текста обусловлена его коммуникативно-прагматическими параметрами, к которым относятся формы представления социально или культурно значимой информации, способы построения статьи и ее жанровая принадлежность, средства речевой выразительности и в целом образные ресурсы, способы выражения авторской индивидуальности. Прибегая к этим механизмам воздействия на аудиторию, текст способен либо акцентировать позицию противопоставления этнических общностей, либо актуализировать их сопоставление. Вместе с тем стоит оговориться, что не многие каналы информирования имеют идеологическую ориентацию на сопоставление культурных ценностей этносов. Под сопоставлением в ракурсе отражения этнокультуры в СМИ мы будем понимать соотношение содержания публикаций с культурной основой потребителя информации. В этом аспекте наиболее контрастными в современных межнациональных условиях выглядят отношения с народами Северного Кавказа. Острая военно-политическая обстановка 1990-х гг. способствовала доминированию в журналистике негативных представлений о народонаселении северокавказских республик.

В настоящее время одним из российских периодических изданий, предпринимающих попытку развенчать сложившиеся в обществе стереотипы, касающиеся северокавказских этносов, является независимый литературно-художественный и общественно-политический журнал «Дружба народов». Поскольку стереотипы чувственно окрашены и с психологической точки зрения нередко содержат долю ошибочной информации, то наиболее эффективным способом их нейтрализации становятся глубокие, объективные сведения, предоставляемые аудитории средствами массовой информации. Говоря о журнале «Дружба народов», необходимо отметить, что наряду с историческим и политическим ракурсами рассмотрения национальной проблемы присутствует и этнокультурный компонент содержания, выступающий наиболее эффективным способом формирования объективного образа нации в сознании читателя и, следовательно, способный устранить имеющиеся негативные представления о ней.

Наряду с публикациями, освещающими национальный вопрос в историческом и политическом аспекте (В. Дегоев. Северный Кавказ: исторические очерки; Кавказ между бывшим

Востоком и нынешним Западом; И. Доронина. Кавказский фронт; Дагестан; Н. Силаев. Кавказский узел), что в силу объективности представленных в них фактов развеивает стереотипы в отношении русско-кавказских отношений, в журнале представлены материалы этнокультурной направленности, формирующие объективный взгляд на народы Северного Кавказа.

Так, статья Мусы Ахмадова «Предания, исполненные благородства»⁴ заключает в себе нравственно-этический свод национальных традиций и правил. Немаловажно, что в повествовании автора отсутствует оценочность. М. Ахмадов отражает как существующие порядки в современном чеченском обществе, так и обычаи прошлого. Такая репрезентативная система представляет читателю наиболее полную картину сущностного содержания жизни этноса.

Отражая в своей статье морально-этические доминанты национального уклада, М. Ахмадов говорит о двух составляющих, которые мотивируют строгое соблюдение нравственных принципов. Первая – чувство ответственности перед предыдущими поколениями (семь отцов), перед ныне живущими (семья, родственники, село, народ), перед будущими потомками (как отмечает автор, «только через семь поколений забываются поступки – хорошие и плохие»). В качестве второй составляющей М. Ахмадов выделяет ощущение чеченца в ценностной системе своего народа. «Как только человек начинает ощущать себя как личность, – поясняет автор статьи, – он попадает в жесткую систему морально-нравственных ценностей, в систему нравственных обязанностей и запретов». По мнению М. Ахмадова, это способствует тому, что человек получает возможность контролировать свои эмоции и поступки, вырабатывая «высокую сопротивляемость жизненным бедам и невзгодам»⁵. Выделяя нравственно-этические национальные категории (сий – честь, маршо – свобода, собар – терпение, яхь – гордость, оьзда яхь – благородная гордость, кьинхетам – милосердие, комаьршалла – щедрость, декхар – долг), журналист дает подробную этнокультурную характеристику каждой из них, насыщая свое повествование культурно-бытовыми деталями, репрезентирующие поведенческие стратегии внутриэтнического порядка, а также иллюстрирует выдвигаемые положения легендами, преданиями, героическими песнями, реальными историческими фактами. Например, говоря об отличительной особенности национального чеченского этикета – особом отношении к старшим, М. Ахмадов пишет: «"Не пересекать дорогу" – понятие довольно своеобразное. От того, что мы пройдем перед идущим вдалеке человеком, ему не будет никакого вреда и путь его "не прервется". Поэтому этот обычай есть не что иное, как проявление уважения к пожилому человеку, оказание чести ему самому и его возрасту». Приводится другое проявление такого уважения: «В старину чеченские девушки и мо-

лодые женщины проявляли уважение к пожилому человеку следующим образом: если возвращающаяся с родника девушка встречала пожилого мужчину, она опускала свой кувшин на землю, поворачивалась боком и стояла так, пока мужчина не пройдет. Если же это была молодая женщина с ребенком на руках, она опускала ребенка на обочину дороги, а сама отходила в сторону, подобным образом демонстрируя свое уважение к возрасту мужчины». Здесь автор приводит сохранившийся у чеченского народа рассказ о том, как мужчине, ехавшему на коне, встретилась идущая навстречу молодая женщина. Она, положив ребенка на землю, отошла в сторону и повернулась к нему боком. Сойдя с лошади, Дуда подошел к ребенку и, увидев, что это мальчик, положил рядом с ним подарок – семизарядный пистолет. «Да сделает тебя Бог полезным членом семьи, да продлит Бог твою жизнь», – сказал Дуда и ушел. Позднее, как рассказывает читателю М. Ахмадов, узнав, кто именно проявил такую обходительность, отец мальчика прислал Дуде в подарок скакуна. Автор морализирует приведенную им историю: «Так благодаря красивому обычаю завязалась дружба между ранее незнакомыми людьми»⁶. Идея коммуникативности выражается дифференциацией между северокавказскими народами в аспекте национального речевого поведения, составляющего нормы национального этикета. М. Ахмадов констатирует: «...чеченская народная этика и культура обнаруживают присущее им своеобразие при сравнении с традициями не только христианских, но и других мусульманских народов. Например, по соседству с нами живут кабардинцы и балкарцы. У них с мусульманским приветствием «Ассаламу алейкум» друг к другу обращаются не только мужчины, но и женщины, а также мужчины к женщинам. А, как мы знаем, у чеченцев так между собой здороваются только мужчины, причем молодые люди не могут подобным образом обращаться к старшим по возрасту»⁷.

Репрезентируя в своей статье такое понятие, как щедрость, показательное для чеченского этноса, автор также прибегает к этнокультурным примерам: «Щедрость особенно полно проявляется в угощении, которое ставится перед гостем. Щедрость хозяина – поставить перед гостем все, что он имеет. <...> достаточно "предложить кукурузную лепешку с кислым творогом, если это сделано от чистого сердца". У чеченцев существовал обычай, согласно которому для гостя забивали последнюю овцу или быка, что не имели сами – проसили у соседей и любыми способами старались угодить гостю». Последовательно развивая мысль о коммуникативности в современных стабилизационных межэтнических условиях, М. Ахмадов особо выделяет отношение чеченцев к человеку другой национальности: «Наибольшее уважение чеченцы оказывали прибывшему издалека гостю, тем более гостю другой национальности. "Гость не из нашего края" – так называли прибывшего

издалека человека. Охрана и удовлетворение его потребностей становилось делом не только хозяина, но и всего селения. Потому что ущерб, нанесенный гостю из другой страны, ложился позором на все село»⁸. В этом контексте автором приводится четверостишие чеченского поэта Ахмада Сулейманова: «Лучше огня очага / Согривает гостя / Чеченцев щедрость, / Чеченцев благородное слово».

Следует отметить, что автор статьи «Предания, исполненные благородства» отражает не только положительные качества, присущие этносу, но и выделяет некоторые пороки, наиболее часто встречающиеся в чеченском обществе: тщеславие и зависть. В их основе, по мнению М. Ахмадова, лежит инстинктивное соперничество между членами общества. В этнокультурном аспекте для нас интересна следующая цитата, разъясняющая национальное проявление гордыни, тщеславия: «...проявляется в тех случаях, когда из страха перед народной молвой человек совершает неправильные, вредные поступки. Тщеславие хорошо показано Саидом Бадиевым в рассказе “Баудди”. Его герой, не сдержавший данного слова и опасаящийся, что люди назовут его недостойным мужем, разводится с только что приведенной в дом женой без всякой на то ее вины. По этой причине гибнет Кулсам, которую муж выгнал из дома в метель, темень и холод»⁹.

Предлагая такой материал читателю, журнал «Дружба народов», говоря словами Ю. П. Платонова, употребленными им в контексте межэтнических отношений, обеспечивает «оптимальную организацию контакта». Издание выступает посредником между этносами, реализуя принципы адекватной межнациональной коммуникации:

- признание безусловного равенства сторон;
- наличие обстановки открытости и доверия;
- принятие общих, значимых для обеих сторон целей;
- уважение к традиционным нормам, ценностям, правилам поведения, образу жизни друг друга¹⁰.

Эти принципы находят реализацию и в тех публикациях «Дружбы народов», в которых ставятся острые социальные вопросы. В их контексте этнокультурные детали выглядят наиболее существенными в аспекте межнационального взаимодействия. В статье Эльвиры Горюхиной, автора ряда материалов, посвященных русско-кавказскому вопросу в масштабах Большого Кавказа («Поездка учительницы на Кавказ», «Свет и тьма Панкисского ущелья», «Хочется жить, зная, что будет завтра»), «Место жительства – война» на фоне обстановки в Чечне, Дагестане 1998 г. отражение национальных ценностей обостряет внимание читателя к тому, что составляет сущность жизнепорядка народов Северного Кавказа и, думается, ведет его к более толерантной позиции. Этнокультурный контекст в свете представленных в статье горя, бедности, чувства безысходности

заставляет задуматься о неизбежности национальных качеств. Так, рассказывая о семье Хадиджат Гатаевой, приютившей и воспитывающей более сорока детей, автор подчеркивает: «Живые чеченские матери не отдадут своих детей, как бы тяжело ни складывалась жизнь. Чеченские дети своих родителей в дом престарелых не сдают». И призывает задуматься над этим всех тех, кто «так печется об особой русской ментальности»¹¹. Несмотря на то, что семья испытывает большие финансовые трудности («Мы приехали вовремя: заканчивалась крупа, масла растительного – на доньшке»¹²), в доме царит дух семьи «большой» и «настоящей», как характеризует атмосферу Э. Горюхина. Далее она рассказывает о внутрисемейных отношениях: «Во дворе мальчики красят качели. Плачет девочка. Обидел подросток Беслан.

– Разве можно обижать девочек?

– Она мне сестра, и дело брата следить, чтобы от сестры не вылетало плохое слово. А оно вылетело». Автор статьи заключает: «Ну что ж! Законы семьи...»¹³.

Мысли, высказанные журналистом относительно Дагестана, имеют более обобщающий, философский характер, нежели приведенные выше этнокультурные детали. Э. Горюхина, изучившая жизнь на Кавказе, заключает: «В Дагестане живет думающий народ». Этот тезис находит свою дальнейшую аргументацию. На вопрос, заданный автором самой себе, об инстинкте на истину, инстинкте на здравый смысл, чутье на баланс сил, свойственных дагестанцам, она получает ответ от русского командира погранотряда в Дербенте. Он говорит: «А это от культуры народа. Она очень высокая. Мы этого, к сожалению, не знаем. Дагестан – древнейшая цивилизация. Уникальный опыт векового соседства сотен народов. Сосуществование с другими нациями и народами – разве это не культура?.. Я понял это сразу, когда сюда приехал. Стоит увидеть, что такое дагестанский двор. Десятки народов. Если поймешь, что ты, русский, один из них, с тобой ничего не случится. Я вот сейчас с вами разговариваю, а мои дети во дворе. И я не хочу бояться»¹⁴.

Мнение другого респондента немаловажно с точки зрения полиэтничности Дагестана и, следовательно, в межнациональном срезе, мирном коммуникационном сосуществовании разных народов и народностей: «Дагестан бы уже давно взорвался, если бы был мононациональным, – сказал старый даргинец, подвозивший нас к кладбищу. – Ты должен с рождения учитывать интересы соседа, на каком бы языке он ни говорил. Обратите внимание, как водят машину в Дагестане. Никаких дорожных правил не соблюдают! А дорожные происшествия минимальны. Почему? Тот, кто нарушает правила, учитывает другого, который тоже нарушает правила. Весь секрет здесь...»¹⁵.

В статье Артура Цуциева «Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов» на уровне этнической стереотипизации анализируются русско-

кавказские отношения. В начале статьи автор дает установку читателю: «... целью данной статьи не является “развенчание” стереотипов, критика негативных установок или демонстрация того, что русские мифы о кавказцах или кавказские мифы о русских не соответствуют действительности. Задачей статьи является попытка описать, как переживаются и какими выстраиваются эти представления»¹⁶. Основываясь на фактах современной действительности, А. Цуциев представляет общую картину культурного состояния России и вводит этнический компонент: «Кавказец “вплывает” в русское поле, охваченный крайней гордостью за тот мир, который он в нем представляет. И что же дальше? Дома кавказцу кажется, что ему изначально задана некая культурная рамка, в которую он должен встроиться, чтобы состояться человеком. Кавказец нагружен своей культурой, он несет ее. И “несет” он ее еще и к сведению русского. Он демонстрирует в чуждом окружении свою принадлежность к этой культуре. Но чем глубже он погружается в сети русской жизни, тем отчетливее он понимает, что перестает представлять кого-то и что-то, кроме себя самого. Здесь, в России, он вдруг обнаруживает, что подлинное общение выстраивается по ту сторону этнических маркеров. Никому нет особого дела до того, что именно ты “олицетворяешь”. Ты просто персона, частное лицо»¹⁷.

В контексте выведенных А. Цуциевым представлений, существующих в настоящее время по отношению народов друг к другу и носящих субъективный характер, поскольку в основе этого психологического явления лежит чувственно-наглядный образ, для нас представляет интерес включенный в статью объективный компонент, каким выступает этнокультура – наличие определенной схемы поведения, устойчивых признаков, свойственных конкретной нации. Автор статьи акцентирует строгую регламентированность культурной среды кавказского общества, указывая на то, что для кавказца «“потерять лицо” означает здесь “все потерять”», что представитель северокавказских этносов существует в «гораздо более напряженном “стандартами”, обязательствами, условностями повседневном мире», что «эта погруженность создает для кавказца режим постоянного экзамена на состоятельность – нужно вечно соответствовать этим условностям, своему Имени/идентичности»¹⁸.

Рассматривая образ кавказца, А. Цуциев обращается к его фиксации в русской классической литературе и тем самым актуализирует коммуникативную эффективность своей публикации. Художественная интерпретация также содержит этнокультурные детали: «свобода и честь, воинственное достоинство и благородство разбойника», «доминанта свободы и чести-достоинства ощущается во всем – в понимании смысла жизни, в принципах, на которых строятся человеческие отношения (как дружеские, так и вражеские), в

характере и характеристиках хозяйственных занятий, в манере “держать себя”, даже в манере одеваться». Автор пишет: «Я очень условно называю данный тип восприятия горца романтическим, в основном потому, что в цельном образе горца для этого русского восприятия “свернута”, неизвестна и незначима рутина самого джигита. Жизнь горца в романтическом русском восприятии – это тень вечно утверждаемого достоинства, следования Закону – набега, гостеприимства, кровомщения, почитания старших, страха проявить трусость. Этот Закон достоинства должен быть воплощен во всем, в каждом повороте судьбы, в каждом слове, даже в том, как выглядит горец»¹⁹. А. Цуциев, вводя в повествование исторический контекст, отмечает, что восприятие образа нации менялось под воздействием военного, геополитического, социально-экономического факторов: «Образ горцев, точнее говоря, характер их отношений с русскими оказывается следствием дискриминационной политики государства, усиливающей социально-культурную дистанцию между двумя группами. Данная традиция в построении образа горцев устанавливает “причинно-следственную связь” между их “характером” и “русской политикой в отношении горцев”»²⁰.

Пытаясь обосновать наличие представлений, имеющихся как у русских, так и у кавказцев, А. Цуциев обращается к следующим элементам культуры:

– психологическим установкам общества, мотивирующим модели социализации: «Я не хочу сказать, что мальчики в русских семьях растут более маменькиными сынками, чем в семьях кавказских, или что в последних отношения между родителями и детьми менее душевные. Но такие процессы, как старение русского населения, его урбанизация, сокращение размеров семьи и количества детей, есть факторы, снижающие вероятность подстегивания русскими родителями агрессивности как атрибута модельного мужского поведения при воспитании мальчиков»²¹;

– религиозным основам этносов: «... христианство ассоциируется с разрушенным в советское время сельским русским миром, с заброшенностью и ненадежностью. И с другой стороны, наполненные новыми домами села северокавказских мусульман, культурный этический кодекс взаимовыручки и сила коллективной солидарности ассоциируются с жизненной силой и всеохватностью ислама. Если христианский выбор связывается чуть ли не с уходом в монастырь, с неким дистанцированием от мира сего, то выбор исламский, напротив, призывает быть в этом мире и изменять его. Христианский выбор ассоциируется с фигурой молоденького батюшки, окруженной сонмом тихих старушек. Ислам же есть община, жизненное напряжение деятельных и жестких мужчин. Христианство – спасение “одинокой души”, ислам – обязательства, связывающие верующих в некий коллективный порядок»; сущность

религий, их отличий и, соответственно, отличие этносов А. Цуциев видит и образах Иисуса и пророка Мухаммеда: «Русским очень подходит быть христианами. Жертвенная судьба Иисуса так диссонирует с судьбой и делами пророка Мухаммеда – “мыслителя, воина, государственного деятеля в одном лице”. Что-то есть отчетливо женственное в этой Христовой жертвенности – непротивление силе, смиренность... Мусульманину, вероятно, трудно понять величие быть распятым на тобою же принесенном кресте»²²;

– гендерным проявлениям в аспекте тенденций женской моды, влияющих не только на внешний вид человека, но и на его сознание: «Как говорил один кабардинский мулла, “наши девушки должны одеваться соответственно нашим традициям – одежда не должна быть слишком облегающей”. Указание на то, что одежда не должна подчеркивать/очерчивать женские формы, – это полная противоположность генеральному направлению в развитии западной женской моды. Особенностью ее является акцентировка “форм”, указание на них, прочерчивание направлений для устремленного мужского внимания»²³.

А. Цуциевым воспроизводятся активно функционирующие в обществе представления, вероятно, по этой причине ему не удается избежать авторской оценочности: она проявляется тогда, когда автор говорит о тех условиях, в которых сосуществуют народы: «И здесь, просматривается новое историческое смыкание “образа России” как чужого государства и “образа русских” как чуждой культурной среды – среды, где свобода невозможна, она тебе “не прописана” по этническим показателям. Такое смыкание создает живой спрос в кавказском мире на поиск иного пространства Свободы и рождает иллюзии, с ним связанные». А. Цуциев продолжает: «И здесь, в сущности, нет большой разницы, куда ехать – ведь прежней Страны для них больше нет»²⁴.

Поскольку А. Цуциевым представлена стереотипизированная интерпретация образа этноса, то она подвергается психологическому анализу. Статья не может претендовать на безапелляционность, так как, по мнению Ю. П. Платонова, стереотипы «не существуют вне индивида, они психологичны по локусу существования, но носитель стереотипов всегда вариативен в поведении как в историческом, так и в этническом пространстве». «Это обуславливает, – продолжает этнопсихолог, – семантическую неоднозначность реализующегося в субъектно-объектных отноше-

ниях стереотипа, а тем самым происходит своеобразный “коллективный отбор” и межпоколенная трансляция наиболее адекватных и полезных для данного этноса авто- и гетеростереотипов»²⁵.

Коммуникативное решение национального вопроса журналом «Дружба народов» реализуется посредством многоаспектного взгляда на эту проблему: историко-политический ракурс статей представляет развитие межнациональных отношений, публикация художественных произведений и журналистских материалов авторов разных национальностей свидетельствует о консолидации народов в рамках литературно-информационного пространства, этнокультурный компонент, включенный в ряд статей, объективирует образ нации, освобождая массовую аудиторию от сложившихся в обществе стереотипов.

Примечания

- 1 Платонов Ю. Психология национального характера. М., 2007. С. 126.
- 2 Там же.
- 3 Там же. С. 127.
- 4 См.: Ахмадов М. Предания, исполненные благородства // Дружба народов. 2009. № 5.
- 5 Там же. С. 169.
- 6 Там же. С. 171.
- 7 Там же.
- 8 Там же. С. 179.
- 9 Там же. С. 178.
- 10 См.: Платонов Ю. Указ. соч. С. 129.
- 11 Горюхина Э. Место жительство – война // Дружба народов. 2000. № 11. С. 157.
- 12 Там же.
- 13 Там же. С. 158.
- 14 Там же. С. 161.
- 15 Там же. С. 162.
- 16 Цуциев А. Русские и кавказцы : по ту сторону дружбы народов // Дружба народов. 2005. № 10. С. 152.
- 17 Там же. С. 175.
- 18 Там же. С. 162.
- 19 Там же. С. 154.
- 20 Там же. С. 155.
- 21 Там же. С. 168.
- 22 Там же. С. 169.
- 23 Там же. С. 166.
- 24 Там же. С. 176.
- 25 Платонов Ю. Указ. соч. С. 133.